

Разстройство союзовъ. Магнусъ.

Будучи женатъ на представительницѣ дома Ягеллоновъ, новый шведскій король естественно являлся союзникомъ Сигизмунда-Августа и орудіемъ католической реакціи противъ протестантизма. Договоръ 1563 года, заключенный между Польшей и Даніей, фактически терялъ свою силу, такъ какъ Швеція переходила въ противоположный лагерь. Король Іоаннъ былъ искуснымъ и свѣдущимъ полководцемъ. Правда, онъ былъ скорѣе теоретикомъ войны, нежели ея практическимъ дѣятелемъ. Но скоро своею борьбою противъ Москвы, своей геройской защитой Ревеля въ 1570—1571 гг., наконецъ, блестящей побѣдой при Венденѣ въ 1577 году Іоаннъ положилъ основаніе военному могуществу своего государства. Этой силой Швеціи суждено было обладать болѣе столѣтія—до злополучнаго дня Полтавской битвы. Въ ноябрѣ 1568 года Іоаннъ уже готовъ былъ поздравить себя съ заключеніемъ мира съ Даніей и Любекомъ въ Рескильдѣ, но онъ не могъ согласиться на тѣ уступки, на которыя пошли было его уполномоченные. При посредничествѣ императора и польскаго короля эти переговоры затянулись до 1570 года. Но здѣсь дѣло датчанъ было испорчено благодаря договору Магнуса съ Московскимъ государствомъ. Съ другой стороны, Сигизмундъ-Августъ своимъ вмѣшательствомъ въ ходъ переговоровъ и стремленіемъ принудить Швецію къ отказу отъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній въ Ливоніи и къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы еще болѣе усложнилъ дѣло. Онъ же самъ

заключилъ съ Иваномъ перемиріе на 3 года, при чемъ предоставилъ царю право поддерживать Магнуса противъ шведовъ.

Я боюсь, что у моихъ читателей закружится голова отъ всѣхъ этихъ подробностей; но избѣгнуть ихъ не представляется возможнымъ. Насколько могу, я упрощаю и сокращаю свое изложеніе, хотя, конечно, читатель этого не замѣчаетъ. Дѣйствовалъ ли Магнусъ въ Ливоніи въ качествѣ представителя Даніи? Этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Въ то время о немъ спорили безъ конца. Сѣзжались отдѣльные дипломаты и цѣлые конгрессы; возникали диспуты изъ-за *dominium maris baltici* и по вопросу о морскихъ сношеніяхъ съ Нарвою. Наконецъ, въ февралѣ 1571 года въ Штеттинѣ былъ подписанъ новый договоръ. Здѣсь, на ряду съ обѣими сторонами, выступала почти вся Европа — Имперія, за ней, при посредствѣ императора, Франція, Испанія, Англія, Шотландія и, наконецъ, Ганзейскіе города. Последніе, впрочемъ, были не вполне удовлетворены договоромъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти государства выразили согласіе на условія трактата. Это не помѣшало ему, впрочемъ, остаться на бумагѣ точно такъ же, какъ и многимъ другимъ.

Устанавливая соглашеніе между Швеціей и Даніей, договоръ 1571 года формально ставилъ Ивана лицомъ къ лицу со шведами и поляками. Отнынѣ они могли дѣйствовать противъ него соединенными силами. Данія соглашалась открыть шведскимъ судамъ свободный проходъ черезъ Зундъ и свое посредничество въ сношеніяхъ съ царемъ и Магнусомъ. Съ своей стороны, Швеція обязывалась не чинить помѣхъ морской торговлѣ Даніи съ Нарвою. Однако, при вмѣшательствѣ польскаго короля, Іоаннъ неизбежно долженъ былъ нарушить въ скоромъ времени свои обѣщанія. Что касается императора, то онъ соглашался выкупить у Швеціи тѣ земли, какія были заняты ею въ Ливоніи. Конечно, ни онъ самъ, ни его преемники никогда и не подумали о такомъ выкупѣ; съ своей стороны, и Ливонія была далека отъ мысли признать надъ собою суверенныя права имперіи. Данія выходила побѣдительницей изъ борьбы и, повидимому, сохраняла за собою преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Однако дѣйствительный ключъ къ *dominium maris baltici* оставался въ Ливоніи, — а тамъ, при помощи Магнуса, ставшаго вскорѣ орудіемъ Москвы, рѣшительное преимущество было на сторонѣ Ивана IV.

Ни полякамъ, ни шведамъ не удавалось сокрушить могущество Московской державы. Сигизмундъ-Августъ мечталъ завести поль-

скій флотъ; но это такъ и осталось мечтою. Онъ успѣлъ направить противъ царя нѣмецкихъ и фламандскихъ корсаровъ; но Иванъ набралъ собѣ другихъ, и этотъ флотъ, подъ начальствомъ знаменитаго Керстена Роде, угрожалъ даже самому Данцигу. Правда, здѣсь вмѣшалась Данія, которая распорядилась схватить отважнаго пирата; но попытки ея укрѣпиться на ливонскомъ берегу оставались рѣшительно безплодными. Иванъ IV отправилъ войско въ Финляндію, гдѣ между русскими и шведами то летали пушечныя ядра, то разбѣзжали посланники для переговоровъ. Впрочемъ, уполномоченные шведскаго короля неизмѣнно наталкивались на требованіе царя вернуться къ точному выполненію договора 1567 года. Сперва шведскіе послы были задержаны въ Новгородѣ; потомъ ихъ повезли изъ Москвы въ Муромъ, а изъ Мурома въ Клинъ. Словомъ они оказались настоящими военноплѣнными, при чемъ, по ихъ словамъ, ихъ подвергали самымъ возмутительнымъ насиліямъ. Московское правительство оправдывало свой образъ дѣйствій двойкими соображеніями. Во-первыхъ, оно ссылалось на нарушеніе шведами договора 1567 года; во-вторыхъ, по его словамъ, оно наказывало шведовъ за тѣ обиды, какимъ подверглись будто бы русскіе послы по прибытіи своемъ въ Стокгольмъ. Такъ или иначе, съ несчастными посланниками мира обходились такъ, какъ съ врагами, захваченными на войнѣ. Связавъ имъ руки, ихъ водили по улицамъ при гиканьѣ толпы; имъ грозили батогами, если они не согласятся на всѣ требованія царя. Разумѣется, на первомъ мѣстѣ здѣсь опять стояла выдача Екатерины. Герцогъ Финляндскій не умеръ; онъ былъ теперь королемъ Швеціи, а супруга его стала королевой. Но Иванъ дѣлалъ видъ, что ему ничего не извѣстно. Мало ли что болтаютъ люди!

Въ это время царь боролся со внутренними смутами, которыя явились послѣдствіемъ его реформъ. Но вскорѣ его постигло новое ужасное испытаніе. Съ 1563 года до 1570 Иванъ напрасно старался предотвратить татарское нашествіе, которымъ угрожала ему Польша. Тщетно послы его, какъ Нагой или Ржевскій, являлись къ хану съ миролюбивыми рѣчами и великолѣпными подарками. То же самое и даже въ большей мѣрѣ дѣлала и Польша, между тѣмъ какъ султанъ, раздраженный взятіемъ Казани и Астрахани, явно былъ на сторонѣ Сигизмунда-Августа. Въ 1569 году Астрахани угрожало нашествіе татаръ, соединившихся съ турками: на одномъ изъ судовъ, прибывшихъ съ мусульманами, въ числѣ гребцовъ сидѣли Семень Мальцевъ,

отправленный Иваномъ къ нагайскимъ татарамъ и перехваченный казаками.

Въ 1570 году, желая задобрить султана, Иванъ согласился срыть крѣпость, недавно выстроенную на Терекѣ. Но султанъ немедленно потребовалъ возвращенія Казани и Астрахани и признанія Московской державы подвластною Портѣ. Разумѣется, переговоры съ нимъ были прерваны. Въ маѣ 1571 года, безпрепятственно перейдя Оку, татары появились подъ Москвою. На этотъ разъ, Иванъ послѣдовалъ примѣру предковъ. Сперва онъ скрылся въ Серпуховѣ, затѣмъ—въ Александровскую слободу и, наконецъ, уѣхалъ въ Ростовъ. Москва, покинутая на произволъ судьбы, стала добычей огня и мѣстомъ ужаснаго кровопролитія. Вполнѣ вѣроятно, что свидѣтельства современниковъ нѣсколько преувеличиваютъ количество жертвъ: они сообщаютъ, что въ пламени погибло цѣлыхъ 800.000 человекъ! Митрополитъ, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, ждалъ смерти, запершись въ Успенскомъ соборѣ; князь Иванъ Дмитріевичъ Вѣльскій, которому была поручена оборона Москвы, задохся въ погребѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія. По своему обыкновенію, татары отказались отъ приступа на Кремль и ушли, уводя съ собою 150.000 плѣнныхъ. Повидимому, и эта цифра не совсемъ надежна. Впрочемъ, надо помнить, что въ подобныхъ случаяхъ все окрестное населеніе сбѣгалось въ столицу.

Во всякомъ случаѣ, несчастье, постигшее Москву, было ужасно. Но еще горше было униженіе. Уходя, ханъ писалъ царю: «жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани... А ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я—Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бы пришелъ противъ насъ и стоялъ... Захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать—не надобно: желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я и видѣлъ, и опозналъ...» Иванъ проглотилъ обиду. Очевидно, не только въ бѣгствѣ слѣдовалъ онъ примѣру своихъ предковъ; какъ я говорилъ, его безуміе прекрасно уживалось съ проявленіями великой трезвости мысли. Отвѣтъ его хану былъ полонъ смиренія и такта. Иванъ просилъ о перемиріи и предлагалъ хану Астрахань. Но въ письмахъ къ Нагому, жившему въ Крыму, царь придавалъ своей уступкѣ весьма двусмысленный характеръ. Ему хотѣлось, чтобы ханъ посадилъ въ Астрахани одного изъ своихъ сыновей, а при немъ былъ бы бояринъ царя, какъ въ Касимовѣ. Касимовъ являлся небольшимъ татарскимъ ханствомъ: оно подчинилось на этихъ усло-

віяхъ верховенству Москвы и уже почти было поглощено ею. Мирныя предложенія Ивана подкрѣплялись обѣщаніями денегъ. Иванъ готовъ былъ даже унизиться до уплаты ежегодной дани!

Начались переговоры. Ханъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ, если ему не возвратятъ Казани и Астрахани, не ставя никакихъ условій. Такъ какъ сношенія съ Москвою затягивались, онъ потребовалъ отъ Ивана 2.000 рублей въ счетъ будущей дани. По его словамъ, эти деньги были ему нужны для покупки всякой рухляди и товаровъ по случаю нѣкоторыхъ семейныхъ торжествъ. Однако, Иванъ уже успѣлъ принять свои мѣры, и спѣшно собиралъ всѣ свои военныя силы. Ссылаясь на истощеніе казны вслѣдствіе татарскаго набѣга, онъ послалъ хану «все что случилось»—200 рублей! Магометъ-Гирей понялъ, наконецъ, что царь явно старается лишь выиграть время. Тогда, въ 1572 году, онъ опять двинулся черезъ Оку. Но на берегу Лопасни, въ 50 верстахъ отъ Москвы, онъ столкнулся съ войсками князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Хану пришлось отступить. Иванъ немедленно измѣнилъ тонъ. Отказываясь отъ всѣхъ уступковъ, сдѣланныхъ хану, онъ уже не унижался передъ нимъ, а явно насмѣхался. «Ты въ своей грамотѣ писалъ къ намъ, что въ твоихъ глазахъ казны и богатства праху уподобились, и намъ вопреки твоей грамотѣ какъ можно посылать такіе великіе запросы?» Въ этихъ издѣвательствахъ обнаружился весь характеръ Ивана IV.

Между тѣмъ, жестокія смуты поддерживали въ Иванѣ постоянное возбужденіе, съ которымъ онъ уже не могъ справиться. Онъ обвинялъ бояръ въ несчастіи, постигшемъ Москву; онъ готовъ бы заподозрить ихъ въ соглашеніи съ татарами... Одному изъ бояръ, Мстиславскому, пришлось, дѣйствительно, принести въ этомъ свою повинную. Казни слѣдовали за казнями. Между прочимъ, и несчастнымъ посламъ шведскимъ довелось испытать на себѣ тяжесть царскаго гнѣва. Въ 1571 году Иванъ двинулся на Новгородъ. Мы еще послѣдуемъ за нимъ въ этотъ походъ, и увидимъ, какіе ужасы творились тамъ по повелѣнію Грознаго. Здѣсь царь пожелалъ видѣть шведскихъ пословъ и объясниться съ ними насчетъ Екатерины. Аудіенція происходила на улицѣ. Иванъ заявилъ посламъ, что все было бы хорошо, если бы во время ему выдали Екатерину. Бракъ герцога Іоанна съ этой полячкой испортилъ все дѣло въ Ливоніи. Впрочемъ, царь увѣрялъ, что давно считалъ Екатерину вдовою: развѣ могла бы ему притти въ голову мысль разлучить жену съ мужемъ, а мать съ дѣтьми? Но содѣяннаго зла уже

нельзя было поправить: теперь царю нужна вся Ливонія, иначе война будетъ продолжаться. По возвращеніи изъ Новгорода, царь нѣсколько смягчился. Казалось, пролитая кровь утишила немного его гнѣвъ. Послы были приглашены къ царскому столу, и совершенно неожиданно Иванъ приказалъ своимъ уполномоченнымъ запросить ихъ о дочери короля Іоанна. Говорили, что она красива собою: царь пожелалъ имѣть ея «парсонъ»—портретъ.

Очевидно, Иванъ хлопоталъ уже не о сынѣ. Послѣ смерти Анастасіи онъ успѣлъ уже нѣсколько разъ жениться и, вообще, до конца своихъ дней былъ всегда поглощенъ интересами такого рода. Въ этомъ смыслѣ жизнь Ивана Грознаго напоминаетъ исторію Генриха VIII или сказку о Синей Бородѣ. Донесеніе шведскаго посольства, составленное главою его Паулемъ Юнстеномъ (*Beiträge zur Kenntniss Russlands, Derpt, 1816*), избобилуетъ на этотъ счетъ самыми любопытными подробностями. И, однако, выражая по отношенію къ Швеціи столь исключительно дружественное расположеніе, Иванъ опять прибѣгалъ къ своему излюбленному приему эпистолярной полемики съ королемъ Іоанномъ. Въ этихъ письмахъ темпераментъ Грознаго развертывался во всю свою ширь.

«...Намъ цесарь Римскій братъ и другіе великіе государи; а тебѣ ихъ братомъ назваться невозможно... Ты говоришь что Шведская земля вотчина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали, и на королевствѣ былъ ли и съ которыми государами ему братья и дружба была?»

Далѣе шли новыя объясненія по поводу Екатерины.

«Мы просили жены твоей Екатерины затѣмъ, что хотѣли отдать ее брату ея, Польскому королю, а у него взять Лифляндскую землю безъ крови. Намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось; еслибъ мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены бы твоей и не просили; а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватаетъ; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно...»

Иванъ вспоминалъ, какія обиды чинились посламъ его въ Стокгольмѣ: а вѣдь то были вельможи, а не какіе мужики, какъ послы короля Іоанна... Новый шведскій король также любилъ и умѣлъ писать. Онъ отвѣчалъ царю какъ могъ ядовитѣй. Но Иванъ не смущался:

«То правда истинная, писалъ онъ, что ты мужичьяго рода...»

Затѣмъ царь опять принимался за свой допросъ.

Чей сынъ былъ отецъ Іоанна, Густавъ? Развѣ не бывало, спрашивалъ Иванъ, что прїѣдутъ русскіе купцы въ Финляндію съ саломъ и воскомъ, а король Густавъ надѣнетъ рукавицы и пойдетъ до Выборга шупать товары да торговаться? А Іоаннъ говоритъ еще о короляхъ, своихъ предшественниковъ! Какіе короли? Откуда онъ ихъ беретъ? Уже не изъ своего ли чулана?

Впрочемъ, царь объявлялъ, что согласенъ мириться съ сыномъ торговца саломъ. Онъ требовалъ лишь, чтобы онъ повинился передъ нимъ—«покорился бы, поддался и почтилъ чѣмъ пригоже...» Тогда царь обойдется съ нимъ по родственному. «А что Крымскому безъ насъ, отъ нашихъ воеводъ приключилось, о томъ спроси, узнаешь...» Одно посланіе слѣдовало за другимъ. Иванъ то писалъ королю строгіе приказы, то угрожалъ ему рѣшительными мѣрами. Наконецъ, утомившись ли или же сраженный какимъ-нибудь особенно острымъ отвѣтомъ, Иванъ объявилъ внезапно, что не намѣренъ больше продолжать споръ на бумагѣ. Онъ упрекалъ короля, что тотъ лаетъ противъ него, какъ песь. Онъ говорилъ, что не пригоже царю связываться съ ругателемъ. Онъ предлагалъ ему, если тотъ хочетъ непременно подвизаться въ этихъ спорахъ, искать себѣ какого-нибудь мужика вмѣсто царя Московскаго.

Въ настоящее время эти письма опубликованы (Древняя Россійская Вивліоeика, I, 1 ч., стр. 23, сл. 2 ч., стр. 52, сл.). Конечно, они не внушали королю охоты продолжать переговоры съ подобными примѣчаніями, и не подавали ему надеждъ на благополучный конецъ этихъ сношеній. Къ тому же король зналъ, что царь старается вступить въ сношенія съ заключеннымъ Эрикомъ и готовится къ союзу съ Магнусомъ.

Это соглашеніе явилось дѣломъ двухъ ливонскихъ ренегатовъ, Таубе и Крузе. Одинъ изъ нихъ былъ совѣтникомъ дерптскаго епископа; другой—членомъ ливонскаго посольства, отправленнаго въ Москву въ 1557 году. Будучи захвачены царемъ, они перешли на его сторону и съ тѣхъ поръ стали дѣятельными агентами его политики. Въ 1568 году они вспомнили о старой попыткѣ сближенія между Альбертомъ Прусскимъ и отцомъ Ивана. На этомъ основаніи они создали новую дипломатическую комбинацію, къ которой тогдашній вассалъ Польши отнесся, повидимому, весьма благосклонно. Впослѣдствіи, несмотря на неудачу своихъ плановъ, оба были награждены

царемъ: одинъ—титоломъ князя, а другой—званіемъ боярина. Наконецъ, въ 1570 году они нашли и свой путь, и нужнаго имъ человѣка. Дѣло въ томъ, что уже съ 1567 года Иванъ задумывалъ сдѣлать правителемъ Ливоніи кого-нибудь изъ прежнихъ членовъ ордена. Фюрстенбергъ и Кеттлеръ отказывались. Тогда взоры обоихъ ренегатовъ обратились къ Магнусу.

Прогнанный отъ Ревеля въ 1560 году, Магнусъ на слѣдующій годъ былъ вызванъ братомъ, который надѣялся сдѣлать его помощникомъ епископа въ богатой гильдесгеймовской епархіи. Однако Магнуса спровадили и оттуда; послѣ этого онъ опять отправленъ былъ въ Ливонію, гдѣ на глазахъ его шведы и поляки дѣлили между собою земли, о которыхъ онъ самъ мечталъ въ своемъ честолюбіи. Магнусъ напрасно пытался вступить въ союзъ съ той или другой стороною. Что же представлялъ собою этотъ принцъ-авантюристъ? Католическіе писатели, правда, не вполне заслуживающіе довѣрія, изображаютъ его какимъ-то недоноскомъ,—кривымъ и колченогимъ... Теперь Магнусъ исчерпалъ всѣ свои источники и средства. Легко представить его радость, когда Таубе и Крузе предложили ему не болѣе не менѣе, какъ королевскую власть въ Ливоніи подъ верховнымъ покровительствомъ царя. Для соблюденія формы Магнусъ испросилъ согласія своего брата Фридриха II, увѣряя его, что новое королевство останется въ полной зависимости отъ Даніи. Конечно, это было ложью и бессмыслицей. Также рго форма, старшій братъ представилъ нѣкоторыя возраженія противъ плана Магнуса,—и дѣло было рѣшено. Уполномоченные Магнуса привезли изъ Москвы самыя неожиданныя, великолѣпныя условія. Ливонская корона должна была стать наследственной въ роду новаго короля. При отсутствіи у него законныхъ преемниковъ мужского пола она переходила къ датскому королю. Москва отказывалась отъ всѣхъ завоеваній въ Ливоніи—настоящихъ и будущихъ; Иванъ обѣщалъ Магнусу свою помощь для взятія Риги, Ревеля и другихъ городовъ. Все это предлагалось Магнусу лишь на одномъ условіи: онъ долженъ былъ служить царю въ военное время. Въ маѣ 1570 года Магнусъ самолично отправился въ Москву. Его сопровождала свита въ 400 человѣкъ. Вмѣстѣ съ короной Ливоніи Магнусъ получилъ руку племянницы Ивана, Евѣиміи; въ приданое за нею царь обѣщалъ 5 бочекъ золота. Ливонія сохраняла свою вѣру и порядки: царь отказывался посылать туда русскихъ должностныхъ лицъ.

Все это казалось сномъ. Ничѣмъ другимъ оно и не было въ дѣйствительности. Германія и вся Европа стали обнаруживать нѣкоторое безпокойство. Тогда Фридрихъ II поспѣшилъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за происшедшее. По его увѣреніямъ, Магнусъ дѣйствовалъ безъ его вѣдома. Между тѣмъ, втихомолку агенты датскаго короля старались измѣнить общественное мнѣніе. Они утверждали, что самъ императоръ виноватъ, если Ливонію захватываетъ всякій, кто хочетъ; они ссылались еще на примѣръ Альберта Прусскаго. Когда Магнусъ формально увѣдомилъ своего брата о принятіи короны, Фридрихъ отвѣтилъ ему поздравительнымъ письмомъ. Но уже первые шаги новаго короля оказались неудачными. Во главѣ наемнаго войска при помощи московскихъ силъ Магнусъ попытался отнять у шведовъ Ревель. Осада длилась 30 недѣль, съ 21 августа 1570 года до 11 марта 1571 года. Въ концѣ-концовъ, Магнусу пришлось отступить. При этомъ онъ сжегъ свой лагерь и распустилъ свои войска. Что касается Таубе и Крузе, то они бѣжали въ Дерптъ. Здѣсь они завели сношенія съ поляками, подготавливая удачное нападеніе на русскій гарнизонъ.

Судьба обоихъ этихъ плутовъ представляется весьма поучительной. Послѣ ряда интригъ, измѣнъ и предательствъ они, наконецъ, удостоились милостей самого Баторія. Впослѣдствіи Таубе былъ назначенъ въ ливонскій Ландтагъ, отказывавшійся принять его въ свою среду; что касается Крузе, то онъ готовился выполнить важное порученіе короля въ Пруссіи, когда его постигла смерть. Таковы были нравы той эпохи!

| При осадѣ Ревеля Магнусъ тщетно ждалъ помощи отъ датчанъ. Припомнимъ, что, какъ разъ въ это время готовился извѣстный Штеттинскій договоръ.

Послѣ его подписанія Сигизмундъ Августъ потребовалъ помощи отъ Даніи противъ московскаго царя. 17 сентября 1571 года особымъ манифестомъ онъ возвѣщалъ о своемъ намѣреніи прервать торговля сношенія съ Нарвой и подвергнуть этотъ городъ вооруженной блокадѣ. При этомъ онъ давалъ значительно большую свободу дѣйствій и средствъ своимъ наемнымъ корсарамъ. Казалось, король вотъ вотъ осуществитъ то, чего такъ долго отъ него ждали. Конечно, Таубе и Крузе уже учитывали возможные послѣдствія этого выступленія. Однако, произошло неожиданное событіе, которое на нѣкоторое время смѣшало шашки на ихъ доскѣ. Сигизмундъ Августъ простудился и скончался

7-го іюля 1572 года. Конецъ династіи Ягеллоновъ и установленіе въ Польшѣ избирательной монархіи опять измѣнили условія борьбы и взаимоотношенія ея участниковъ.
